

Рассказ

А на том берегу...

Автор: Болтушенко Юлия

Сашка беглым взглядом оглядел лежащие на столе necessities: булка теплого ароматного хлеба, штук с десять картошек, соль в прохудившемся коробке из-под спичек, спички в более приличной коробушке, ложка и котелок. Все это он сложил в большой, передававшийся по наследству, камичин. Более провианта никакого не было, да и не любил Сашка носить лишнее в тайгу. Человек должен довольствоваться малым, а вот дорога была не из легких.

Эта дорога была не приключением, которые выдумывают иные любители пощекотать себе нервы. Эта дорога была вынужденной тропой спасения своей семьи. Если глянешь на Сашку со стороны, то сроду и не сообразишь, что он уже семьянин. Худощавый, с острым лицом. Но руки у этого парня уже тогда были крепкие, ладони широкие. Такому что в руки попало – уже не ускользнет от него. К двадцати годам сродил Александр уже двоих сыновей. А семью, как известно, кормить надо. Пробивались в те годы как могли. Каким чудом нас тогда из девяностых вытащило в двухтысячные, – одному Богу известно.

Были среди моих знакомых и те, кто не выдержал бурного течения жизни. И не слабаки они были вовсе, просто что-то случилось с человеком: то ли устал от вечного безденежья и голода, то ли пытаюсь найти выход, пристрастился к алкоголю (многие в те годы, как говорили в народе, пожелтели и сгнули), то ли потерял веру в себя и в Бога. А помощи ждать неоткуда...

Сашка никогда не ждал помощи. Мать, немногословная, потерпевшая на своем хребте удары судьбы женщина научила Сашку рассчитывать в этой жизни только на себя. Он помнил, что когда он был ребенком, она строго называла его Александром. Ласка и нежность только портят мужчину, уверовал мальчишка. Поэтому уже лет в семь Сашка научился методом проб

и ошибок, чуть не лишив себя пальца, чистить картошку, жарить яичницу и варить суп. Он искренне не понимал, почему соседским мальчишкам нехитрую одежонку, состоящую из футболки, шортиков и носков, стирают мамы. Александр без всяческих понуждений делал это сам.

Вот и сейчас, аккуратно оборачивая портянку по ноге, Сашка подумал: «Видно, мать с детства приучала меня быть сильным и независимым». Иногда он в глубине души обижался на мать: как будто никому и никогда я не буду нужен, не найдется, что ли половинка моя, которая будет с любовью ухаживать за мной.

Сильным-то Сашка стал, а вот независимость свою он рано потерял. В шестнадцать лет стал он отцом. Можно было, конечно, отвертеться от отцовства, многие тогда так делали. Но только не Сашка. В нем была ответственность. Ответственность от слова ответ. Отныне Александр был в ответе за свою семью.

Быстро попрощавшись, взвалив на плечи обветшавший от времени, но еще крепкий рюкзак с камичином, Сашка вышел из дома и направился к реке.

Он условился со своими дядьками переплыть на ту сторону реки, чтобы насобирать брусники для продажи. Дядька Серега и дядька Вовка уже стояли на берегу, отвязывая лодку. Сашка никогда не звал своих дядек дядями. Они были для него просто Серега и Вовка. Так уж повелось, что в большой материной семье телячьи нежности напрочь отсутствовали, и посему братьев и сестер называли коротко и ясно: Альбинка, Ирка, Серега, Колька, Вовка, Женька. Альбинка, мать Сашки, была старшей. А всего детей было десять. Может и поистратила она всю свою любовь на Колек и Ирок. Иссяк источник, высох, нечем наполнить душу. И живет человек без радости, без жизни, словно в тумане.

Серега, старший из братьев, хмуро посмотрел на Сашку и сурово объявил: «Вчера Кондратьевы по ягоду ходили. Пустые пришли. Только зря в такую даль ноги истоптали».

Александр, привыкший доверять только себе, ответил: «Значит, не там искали!».

«Ну, что, собрался?», – то ли с ухмылкой, то ли с предстоящим вкушением радости, спросил Вовка.

Сашка ничего не ответил. А Вовка, расплываясь в улыбке, радостно сообщил: «Мы литр взяли. Если не хватит, обратно на точку уже не сбегашь».

Сашка не первый раз ходил в лес за дарами природы, поэтому знал, если мужики с рыбалки возвращаются без рыбы, а с леса без ягод и без грибов – это не значит, что природа с ними не поделилась, это значит, что мужики переборщили в своих желаниях и не рассчитали свои возможности.

Река была уже позади. Впереди – тайга. Наша тайга не похожа на бескрайнее море, о котором поется в песне. Наша тайга похожа на огромную волну, подобно громадному цунами, летящему из пучины земных недр и все сметающему на своем пути. Но вот в какой-то миг эта волна застыла в очередном порыве ярости, окаменела по всей своей поверхности, превративши свои гребни в сопки. Но волны неуспокоенного гнева и бьющей с громадной силой одержимости острием своим проткнули отвердевшие скалы и из них стремглав выскочили крепкие негнущиеся копыта – ели. А ветер, вечный узкоглазый кочевник, надул сюда всякой земли. Проросли в земле березки, зашумела зеленая листва. Между березок робко протиснулся нежный багул. Оматерела тайга, стала живой. Птицы поселись в ней, звери нашли свой дом. Вот и человек, приближаясь к ней, входя в ее владения, безмолвно просит о том, чтобы и ему она стала матерью, спрятала от зверя дикого, порадовала щедротами своими, угостила ягодками да грибочками.

Александр чувствовал это. Он понимал каким-то необъяснимым наущением, что тайгу, как и его мать, Альбину, не обманешь: по головке не погладит, но и с пустыми руками не отпустит.

По распадку шли молча. Первым шел Серега. Серега был старшим. Когда Сергей не пил, то был хорошим шофером. Но когда же Сергей, честно

отработав на вахте по полгода и изрядно осушив свое горло, возвращался домой, он становился щедрым отцом. Деньги текли рекою. Откуда ни возмись, появлялись арбузы, причем не один, и не два. Жалко, что большею массой своей они потом летели на помойку. То коробка дорогуших шоколадных конфет красовалась на столе да потом так и утекала с него расплавленным от солнечных лучей шоколадом. А потом, спустя неделю после аттракциона невиданной щедрости, детишки Серегины, а всего их четверо, затягивали поясочки потуже и добрых слов для отца у них уже не находилось.

Серега шел по ягоду так, чтобы подогнать время между вахтами. Вовке же весельчаку доставляла неимоверное удовольствие эта природная локация. Разведенный в бутылке спирт «Рояль» озорно булькал, с каждым таким звуком словно приглашая Вовку остановиться на привале и отвести душу, как у нас говорят.

Один Сашка твердо знал, что ему нужна ягода. Бруснику у нас все любят. Ох и кислющая она! А пользы-то в ней: вагон и маленькая тележка! При простуде – первое средство. Бруснику смешивали с сахаром в банке и убирали в холод. Морсик из засахаренной бруснички лучше всякого аспирина. А еще она давление уменьшает. Полезна всем: от мала до велика. Несколько лет назад Сашкин отчим принес много ягоды. Возни с ней тоже много! На большом деревянном столе мать расстелила старую простынь. Высыпали ягоду тонким слоем. И давай ее перебирать. Ягодки в котелок, а листики и веточки остаются на простынке. Потом лесной мусор вытряхнули на улице и следующим слоем ягоду насыпали. Иногда на это уходило полдня, спасало еще то, что перебирали сразу в несколько рук.

А к вечеру варили варенье. С кухонных полок доставали специально припасенный для этого дела эмалированный тазик, ягоду пересыпали сахаром и ставили на плиту. Варенье, сияющее рубиновым светом, пыхтело на огне, исторгая из себя ни с чем не сравнимый аромат. Это аромат детства. Сахару было всегда мало, и варенье было всегда кислое. Но эта кислинка

была до того приятно! Отрежешь смачный кусок хлеба, щедро намажешь его вареньем, нальешь густого байхового чаю с молоком и нет счастливее человека на земле! Оказывается, что в кислинке прячется счастье...

В щедрый год мужики приносили полные камичины по пятьдесят литров. Тяжела ноша. Но своя. А своя, как говорится, не тянет.

Сашка очень надеялся на удачу. «Обязательно повезет, – он рассуждал про себя, – три литра нужно будет оставить себе: вся зима еще впереди! Остальное на продажу». У Влади, старшего, ботинки совсем поизносились. Сначала клеили, потом подшили. Сейчас уже ни склеишь, ни подошьешь! Да и продуктов купить надо: масло растительное, маргарин, крупку да макаронки ребятишкам.

Дорога вела вверх. Утро было в самом разгаре. Солнце скользнуло по макушке сгорбившейся елки, потом плавно прокатилось по взъерошенным ветром-озорником веткам спящих берез. Один лучик оторвался от монолитного светила, протиснулся сквозь густые лапы ельника, молниеносно догнал путников и прикоснулся к плечу Сашки. Сашка был погружен в свои думы. Лучик удивился, почему это его никто не встречает?! И устремился к лицу Сашки. Глаза Сашки наполнились таким ярким солнечным светом, что он не в силах был сдержать его. И все это солнце крупными слезами потекло из глаз Сашки. А остальное, что не успело вытечь из глаз, приятно защекотало в носу и вылетело шумным чихом! Громкий чих взбаломутил всю округу. Белка, ужасаясь от страха, только что проснувшись и еще не понимая, в чем дело, стала прыгать с ветки на ветку как заводной бурый мячик. Ее страх подхватила вторая и понесла тревожную новость по всему околотку. Тут проснулась немолодая, но гордящаяся своим блестящим оперением ворона и, естественно, ей больше ничего не оставалось, как громко каркать.

«Ишь ты! Чего раскаркалась? Подумаешь! Уж и нельзя человеку чихнуть без предупреждения! Кар-кар-кар», – передразнил каркушу Вовка. – Раз все проснулись, – значит привал!»

Мужики остановились у поваленной березы. Серега смахнул со лба крупные капли соленого пота. Вовка снял сапог и протяжно выдохнул. Ноги были изрядно натерты. Поленившись надевать портянки, он надел носки. По моде тех лет дырявые на пятке носки не выбрасывали. Их надевали задом наперед: дырой сверху. Так пяточка была добро утеплена не обносившейся стороной драного носка. А вот далеко на такой смекалке, да еще и по тайге, не уедешь! Вовка стал осматривать ноги, давая волю своей хозяйской фантазии на новые хитрости.

Сашка спустился к ручью, начерпал студеной, слегка сладковатой на вкус водицы. Этот ручеек уже несколько километров сопровождал путников. Исток его был на самом верху этой громадной зеленой скалистой волны. Он то радостно журчал под ухом, вселяя в путников радость, то прятался, прокладывая себе путь под огромными валунами, то вдруг вступал с путниками в перепалку, воинственно преграждая им путь. И тогда нужно было прыгать с валуна на валун. Камни были большие, округленные за сотни лет упрямым потоком воды. Оступился – и перелом гарантирован!

Сашка принес воды. Вовка, сделав глоток, сказал: «Однако, можно и пригубить с устатку». Иные, не местные ребята, не понимали, что значит с устатку. Логика ошибочно приводила к слову остаток. А собака была зарыта не в остатке, а в устатке. Устаток – значит усталъ, усталость, когда устал человек, дело сделал большое: картоху на поле выкопал или сено на зиму заготовил, – то и выпить не грех. Но у нас, как водится, устатком дело не ограничивалось, и посему веселье, вопреки старым законам, продлевалось на несколько дней.

Вовка просунул руку во внутренний кармашек рубы, нащупал там нечто, ухватил двумя пальцами. Это нечто было что-то из платмассы: то ли коробочка, то ли баночка с крышечкой. Вовка спокойно, не торопясь, словно подготавливая зрителя перед невиданным фокусом, снял крышечку, расплылся в масляной улыбке, а потом резко потрянул рукой. При этом лицо его выражало сразу несколько чувств: и восхищение, и гордость, и счастье...

Ведь он держал сейчас в руках атрибут предстоящей радости: раскладной пластиковый стаканчик. Стаканчик этот он всегда носил с собой: мало ли где настигнет его счастье.

Выпив залпом полстакана разведенного накануне спирта, Вовка сразу не стал закусывать. Он смаковал. Через несколько минут налил по второй. Резко опрокинул вовнутрь, побряхтев от удовольствия.

–Теперь можно и закусить!

Он куснул небольшой в пупырышках огурец и смачно захрустел им. Для него сейчас все было прекрасно. Даже туча комаров, вьющаяся над всей этой честной компанией, сейчас не раздражала его. Хруст огурца сливался с комариным жужжанием. И Вовка, как непревзойденный дирижер, неистово управлял всей этой неповторимой симфонией.

У Сереги же была другая идеология относительно содержимого бутылки. Сегодня он выпивал исключительно пользы для. Во-первых, полезно для пищеварения, –так рассуждал Сергей, обобщая опыт знакомых и родных. А во-вторых, оно с бутылочкой-то даже как будто легче.

«На вот, –дерни!», –Серега протянул эмалированную кружку Сашке. Но Сашка так сурово глянул на Серегу, что тот все понял без слов. Трудно было Сашке сейчас. Вроде и семья есть, а нет в ней тепла. Тепло женскими руками держится. Не давалась Сашкиной жене наука поддержания домашнего очага. Но Сашка не винил ее за это. Кто ж в этом виноват? Сама-то она родилась в большой семье. Братья, рано повзрослев, пошли по наклонной. Мать чувствами материнскими к детям не воспылала ни разу. Так и выросли, как трава в поле: ветер подует – пригнутся к земле, солнце пригреет – потянутся к свету, дождь притопит – впитают в себя сколько можно воды, не выдержат более – и сделаются слякотью.

Ни разу в жизни не слышала Ольга, жена Сашки, слова люблю. Не научили этому, а сама научиться, раскрыть себя радости и счастьем не сумела.

Сашка разрезал перочинным ножом повдоль огурец, щедро присыпал его солью, откусил кусок серого хлеба. В этот момент он думал об одном: «Лишь бы дома чего худого не случилось, пока я здесь».

Вот так все трое, бряцкая каждый своими соображениями в голове, продолжили свой путь. Половина пути уже пройдена. Но чем дальше, тем идти становилось тяжелее. Иногда на пути непролазной стеной вставал бурелом. Ветки как будто специально цеплялись за ноги, не давая им никакой возможности выпутаться из этой беспощадной паутины. Куда бы ты ни пытался ступить, везде было какое-то препятствие. Больше всего добивал гнус, который буквально облеплял каждое не прикрытое одеждой место. Все чесалось. Через каждые десять минут хотелось пить. В душу накатывало зло. Сначала оно маленьким комочком прокатывалось где-то в горле, потом к нему примешивалась злость на всю эту мошкарку, деревья. К нарастающему комку присоединялась вдруг объявившаяся из ниоткуда обида. И все. В этот момент человек становился неуправляемым существом. Каждое слово, обращенное к нему, сейчас опасно. Каждое движение в его сторону кажется ему угрозой.

Сергея с Сашкой шли молча. Только Вовка, выветрив по дороге свое хмельное счастье, негромко постанывал.

– Видать, совсем ноги истер! – сделал умозаключение Сергей.

– Терпи, казак, атаманом будешь, - приободрил Сашка.

А ведь и впрямь, дойти до столбов – терпение надобно и умение. Туда, на столбы, и шли наши путники. Не многие бывали там, в основном охотники да егеря, привыкшие к лесным невзгодам. Говорят, во времена Гражданской войны здесь было кровопролитие.

В тайге искали себе убежище красноармейцы. Но нагнали их в этих местах казаки атамана Семенова. И здесь, на столбах расстреляли. Стало быть, кровью пропитана эта земля. Сказывают, что тут всякое творится. Доброму человеку чудо откроется, а злому – живому бы ноги отсюда унести!

Наконец впереди над лесом показалось небо. Оно было нежное и доброе. Удивительное дело: когда каждый день ходишь по открытому пространству – неба вовсе не замечаешь, а вот когда небо исчезает – закрывается ли вековыми елями или недолговечными высотками – его теряешь, как будто задыхаешься, хочешь вдохнуть, а нечем!

Глотнувши небесного воздуха, собрав последние силы, мужики дошли до огромного острова открытой местности.

Когда человек впервые попадал сюда, голову его простреливала одна только мысль: « Кто я? Букашка или жучок какой?» Стоя перед такой ужасающей громадиной человек ощущал собственную ничтожность, мелкоту и беззащитность.

Пять огромных монолитов, словно пять застывших великанов, окаймляли вершину сопки, очерчивая ее границы и никого не впуская в свои владения.

Даже гнусивший в последнее время Вовка на мгновение затих. Он не в первый раз бывал здесь, но каждый раз, приближаясь к каменным истуканам, он испытывал страх и волнение.

Возле последнего истукана росла кривая береза. Когда-то в нее ударила молния, рассекнув ствол надвое. Большая часть ствола нагнулась, но не погибла. А из второй части вылезли спустя время молодые побеги, сплетаясь воедино, продолжая жизнь. Так и живут, на одном месте старый да малый, друг другу не мешая, друг на друга не жалуясь.

Решили расположиться, как обычно, под этой березой. Солнце уже стояло высоко. Ветви старой березы, а, вернее, искривившейся ее части, были крепкими и густо усеянными листвой, что создавало бесподобный тенек в жаркий день.

Сашка взял перочинник и пошел поосмотреться. Братья же стали распаковывать содержимое рюкзаков. Сашка, как самый скорый и на ногу, и на руку, насобирав сухих веток и принялся разводить костер.

Вскоре забулькал на костре котелок, весело вертящийся под языками пламени и тем самым расплескивающий водичку, как будто взывая: «Вот, ребята, я уже вскипел. Живо снимайте меня с огня! Чего тяните резину! Попробовали бы сами повисеть на таганке!».

– Ох, я, голова садовая, – сокрушенно заголосил Вовка. – Заварку-то я забыл!

– Какая заварка! – резко оборвал его Сашка. – Будем пить лесной чай!

Сашка мигом исчез, а минут через пятнадцать явился с охапкой всяких трав.

– Что ты это там припер?! – с недоверием не то чтобы спросил, а констатировал Серега.

Но Сашку было уже не остановить! Он кидал в котелок какие-то листики и травки. Дал настояться этому питью минут пять. Потом, представляя себя немолодым китайцем в цветастом шелковом халате и с пучком на голове, соблюдая, как ему казалось, традиции чайной церемонии, стал с трепетом разливать чай по кружкам. Фарфора, конечно же, не оказалось. А вот китайцев стало на двое больше. Серега и Вовка после первого глотка сузили и без того свои узкие глаза. Видно было, что чай лесной им по нраву. Они аж кряхтели от несказанного удовольствия. Вот только признаться в том им то ли слов не хватало, то ли чего еще.

А аромат от чая гулял по всей поляне! В нем была ярко ощутима терпкость, смешанная с легкой сладостью и медвяностью. Даже солнце заглянуло в кружку Сашке, желая знать невиданный рецепт. Оно скользнуло лучом и от этого цвет чая стал еще солнечней! Он стал янтарным, как будто в нем остались капли вечного светила.

Вдоволь начавшись, братья улеглись на отдых.

– Ну, что, идем!? – спросил Сашка дядей.

– Ты иди, а мы малость передохнем, да потом уж и начнем! – протяжно пропел Серега. Видно было по всему, что их так сморило от жары, что даже и шевелиться им не хотелось.

Сашка взял камичин и пошел искать удачу. Ягодник был где-то поблизости. Только почему-то каждый раз, когда он приходил на столбы,

ягодник менял свое положение. Сашка выбрал путь на восток, значит – навстречу солнцу. Так шел он, с предвкушением размышляя о предстоящей удаче. Сердце его радостно екнуло, когда вдалеке зардело яркое пятно. Подходя ближе, он увидел большущую кучу, представляющую собой непереваренную ягоду, свежавыжатую, так сказать. Знать, мишка нашел мой ягодник и уже полакомился сочной брусникой. «Что ж, мишка, не надо бы мне с тобой сегодня встречаться, – с досадой подумал Сашка, – надеюсь, ты мне-то хоть оставил!?!».

Сашкина надежда на удачу стала растворяться как утренний туман. Приуныл Санек, взгрустнул. Тут еще ветка разодрала ему руку. Зажгло рану. Сашка стал разглядывать руку, соображая, чем же ее перевязать, как увидел под ногами ярко-красное пятно.

– Неужели?! – выдохнул он.

Под его ногами расстиралось брусничное море. Ягоды, красные, рубиновые, так и просились Сашке в рот. Он брал их одну за другой. Упругая кожица ягодок лопалась на зубах, и из нее вытекал бурый сок. Вот оно, таежное золото! Сашка нисколько не жмурился от этой кислоты. Мысль о том, что он нашел-таки ягодник, прибавляла сколько хочешь сладости в эту чарующую победу.

Одурманенный счастьем, он даже забыл про камичин. Вдоволь наевшись брусники, он ловко принялся собирать ее комбайном. Вот почему приносят ее с листиками, но собирать, понятное дело – комбайном быстрее! Через час камичин был полон. Сашка накрыл его приспособлением, наподобие крышки, взвалил рюкзак с камичином на плечи и отправился к месту привала.

Вот показались столбы, а вот и кривая береза. Казалось, что ничего с того момента, когда ушел Сашка, так и не изменилось. Братья мирно спали. Единственное, что бросилось в глаза – это пустые тарелки(видно братья сварили суп на костре) и пустая бутылка из-под спирта.

Сашка подошел ближе, снял рюкзак с камичином и принялся разжигать костер. Серега, весь опухший, взлохмаченный, удивленно спросил Сашку:

–Ты где был?

–Вот, брусничник нашел! – гордо заявил Сашка.

–А мы думали, тебя того: медведь али волк нашел! Тебя ведь целые сутки не было! Мы с горя-то и выхлебали все до капли.

Сашка сначала принялся ругать родственничков, что, мол, совсем уж допили! Потом стал рассуждать вслух, как же можно объяснить его отсутствие. Потом посмотрел на небо: солнце было на той самой точке, когда он уходил в поиске брусничника. Значит, прошли ровно сутки с этого времени, и Серега с Вовкой вовсе не солгали! Вот о каких странностях на столбах предупреждали бывалые охотники. И такое, оказывается, бывает. Время свою скорость меняет: Сашка ягоду собирал ровно час, а братья в праздненстве сутки протянули.

Забулькал в котелке кипяток. Серега стал искать свою кружку, злясь на себя и обмозговывая произошедшее. Вовка все повторял одно и то же: «Что ж это получается? Как же это так, братцы?».

А Сашка, отхлебывая со вкусом лесной чай, вспоминал свою мать. Вот уж точно, тайга как моя мать: по головке не погладит, но и с пустыми руками не отпустит!